SHOUT
SHARE
IT

Annotation

(Мария Edgeworth) — английская писательница (1767–1849). Воспитанная отцом, ирландским помещиком и членом парламента, человеком оригинального ума, она выступила в литературе с «Essays on a practical education» (1798) и приобрела известность очерками ирландской жизни «Essay on Irish Bulls» (1802) и романом «Castle Rackrent» (1800). В 1804 г. ее «Belinda» и «Popular tales» вызвали общий интерес своей простотой, противоположной тогдашней модной манерности. В «Modern Griselda» (1805), «Leonora» (1806) и «Tales of fashionable» (1809 и 1812, 6 т.) она расширяет круг своих наблюдений, давая картины светской жизни; в «Patronage» (1814) изображает противоположность между зависимостью от знати и нравственной свободой, условленной трудом; в «Harrington» (1817) борется с предрассудками против евреев; в «Ormond» (1817) вновь возвращается к ирландской жизни; в «Helen» (1834, русский пер., СПб., 1835) изображает различные степени порока. Большой известностью пользовались ее детские рассказы: «Early lessons» (1822-25). Романы Э. имеют явно дидактическую тенденцию, но отличаются жизненностью и непосредственностью наблюдений. Чтение ее произведений привело Вальтера Скотта к мысли дать художественное изображение своей родной Шотландии. Потеряв в 1817 г. отца, Э. закончила его воспоминания («Memoirs of Richard Lowell Edgeworth», 1820).

- Мурадъ несчастный
  -

Мурадъ несчастный (Турецкая сказка.)

Извѣстно, что одинъ изъ покойныхъ Турецкихъ Султановъ, имѣлъ обыкновеніе прохаживаться ночью, одѣтый въ простую одежду, по улицамъ Константинопольскимъ — онъ подражалъ въ этомъ случаѣ славному Гаруну Альрашиду, Багдадскому Калифу, о которомъ должны знать читатели Тысячи одной ночи.

Однажды прохаживаясь по городу при свѣтѣ полной луны въ сопровожденіи Великаго Визиря, Султанъ, если не ошибаюсь, покойной Селимъ, остановился передъ домомъ кожевника и сказалъ своему сопутнику: Ты вѣрно читалъ въ Тысяче одной ночи сказку о кожевникѣ и двухъ его друзьяхъ, которыхъ мнѣнія о судьбѣ человѣческой были всегда противоположны. Я желалъ бы знать, что думаешь ты объ этомъ важномъ предметѣ.

— Я, Государь? Мнѣніе мое состоитъ въ томъ, что благоразуміе человѣческое имѣетъ великое вліяніе и на судьбу его? и что одному благоразумію, а не счастію, какъ говорится, обязаны мы бываемъ по большой части своими успѣхами.

«Я думаю совсѣмъ напротивъ. Одного называютъ счастливый человѣкъ; другаго несчастный: отъ чего это? Не самъ ли опытъ научаетъ насъ дѣлать такое различіе, которое въ противномъ случаѣ было бы совершенно безъ смысла?»

— Не смѣю противорѣчить тебѣ; Повелитель правовѣрныхъ!

«Говори — я приказываю.»

— Повинуюсь, и вотъ мое мнѣніе. Тотъ неразсматриваетъ съ надлежащимъ примѣчаніемъ ни причинъ, ни слѣдствій, кто приписываетъ удачу счастію, а неудачу несчастію: Въ столицѣ твоей находятся два человѣка; одного изъ нихъ ставятъ въ примѣръ постояннаго счастія; другаго напротивъ въ примѣръ постояннаго несчастія, первый есть Саладинъ, по прозванію счастливецъ; послѣдній Мурадъ, по прозванію несчастный. Что бы ни было, но я увѣренъ, что все различіе между имя состоитъ въ одномъ только благоразуміи.

«Гдѣ живутъ эти два человѣка? Хочу, чтобы они сами разсказали мнѣ свою исторію. Проводи меня въ ихъ жилище.»

— Домъ Мурада несчастнаго весьма отсюда близко; слѣдуй за мною, Повелитель правовѣрныхъ.

Султанъ и Визирь его приближаются къ небольшому домику; отворяютъ дверь; слышатъ стенанія — входятъ. Глазамъ ихъ представляется плачущій человѣкъ; онъ рвалъ на себѣ бороду, топталъ ногами свою чалму, словомъ: оказывалъ совершенное

изступленіе, и это — былъ Мурадъ. Посѣтителм спросили, какое несчастіе приключилось ему, и отъ чего такъ горько онъ плачетъ? Онъ не отвѣчалъ ни слова, но указалъ имъ на черепки прекрасной фарфровой вазы, разсыпанные по паркету.

И эта бездѣлица огорчаетъ тебя такъ сильно? спросилъ Султанъ.

— По вашей одеждѣ, государи мои, заключаю, что вы иностранные купцы: вы не знаете Мурада несчастливаго; въ противномъ случаѣ вы могли бы удивляться моему горю; несчастіе написано у меня на роду и вы согласились бы вмѣстѣ съ другими называть меня несчастнымъ, когда бы узнали мою исторію. Ночуйте въ моемъ домѣ, и я разскажу вамъ печальныя свои приключенія.

Ночевать, тебя намъ не возможно, отвѣчалъ Султанъ; но выслушать твою повѣсть будетъ для насъ весьма пріятно.

«- Садитесь. — Султанъ и Визирь его сѣли, а Мурадъ началъ разсказывать;

Отецъ мой Гассанъ проживалъ въ здѣшнемъ городѣ. На канунѣ рожденія моего привидѣлся ему чудный сонъ, заключавшій въ себѣ, такъ сказать, предвѣщаніе всѣхъ несчастій, которыя отъ самой колыбели, не престанутъ меня преслѣдовать. Отцу моему снилось, будто у него родился сынъ съ собачьею головою и змѣинымъ хвостомъ, будто онъ надѣлъ на него Султанскую чалму, и за то осужденъ былъ на смерть.

Отецъ мой вѣрилъ, какъ и всѣ добрые Музульмане, предопредѣленію, и этотъ чудесный сонъ испугалъ его чрезвычайно. Нашему сыну, сказалъ онъ моей матери, назначено сдѣлать всѣхъ насъ несчастными — и онъ возненавидѣлъ меня еще до рожденія; а чтобы не видѣть ни моей собачьей головы, ни моего змѣинаго хвоста, отправился въ Алепъ за нѣсколько часовъ до моего горестнаго появленія на этотъ свѣтъ.

Его путешествіе продолжалось восемь лѣтъ съ половиною. Во время его отсутствія никто не заботился о моемъ воспитаніи; а мать моя твердила мнѣ поминутно, что у меня собачья голова и змѣиной хвостъ. Ты Мурадъ несчастный, сказала она мнѣ однажды. Въ это время сидѣла подлъ нее какая-то старушка съ глубокими морщинами на лбу и на щекахъ, съ крюковатымъ носомъ, беззубая и косая — она прибавила страшнымъ и хриповатымъ голосомъ, который еще и теперь отзывается у меня въ ушахъ: такъ! подлинно несчастный! былъ, есть и будешь!… Потомъ она сказала: кто родился подъ непріязненною звѣздою, тотъ будетъ и долженъ быть во всемъ несчастенъ; одинъ только Магометъ властенъ уничтожить очарованія: безумецъ противится своей судьбѣ, а умный человѣкъ покорствуетъ ей безъ

прекословія.

Слова старушки врѣзались въ мою память, и я при всякомъ новомъ несчастіи говорилъ: правду сказала ты, старушка; судьбѣ своей противиться не возможно.

Мнѣ было уже восемь лѣтъ, когда пріѣхалъ отецъ мои изъ Аледа; въ этотъ годъ родился братъ мой Саладинъ, котораго наименовали счастливцемъ, потому что въ самый день его рожденія вошелъ въ пристань корабль отца моего, богато нагруженный товарами. Не могу изчислить тѣхъ счастливыхъ случаевъ, которыми ознаменовано было младенчество моего брата; успѣхи его были также разительны, какъ и мои досадныя неудачи.

Со времени прибытія корабля, мы жили въ великомъ довольствѣ — все это приписано было счастію брата моего Саладина.

Мнѣ свершилось двадцать восемь лѣтъ, а Саладину двадцать, когда отецъ нашъ занемогъ тяжелою и опасною болѣзнію. Призвавъ къ постелѣ своей Саладина, онъ сказалъ: мой сынъ! наши дѣла въ чрезвычайной разстройкѣ: роскошь и разныя разорительныя предпріятія уничтожили все мое богатство; остались у меня двѣ фарфоровыя вазы, драгоцѣнныя особенно по нѣкоторымъ таинственнымъ знакамъ, на нихъ изображеннымъ, и вѣрно имѣющимъ великое вліяніе на счастіе того человѣка, которому будутъ принадлежать вазы. Дарю тебѣ и ту и другую; для Мурада онѣ безполезны; будучи осужденъ на несчастіе и неудачу, онъ безъ сомнѣній: или разобьетъ ихъ, или потеряетъ — одно изъ двухъ должно случиться необходимо.

Но Саладинъ не имѣлъ никакой довѣренности къ предопредѣленію; а будучи добръ и великодушенъ, онъ далъ мнѣ на волю выбирать любую изъ вазъ и старался утѣшеніями своими возвратить мнѣ потерянную мою бодрость. Я благодарилъ его; но былъ однако твердо увѣренъ, что нѣтъ возможности человѣку сражаться съ судьбою.

Саладинъ видя, въ какой разстройкѣ были наши торговыя дѣла, не приходилъ однако отъ этаго въ уныніе. Поищемъ способа ихъ поправить, говорилъ онъ; но я отчаявался и качалъ головою.

Въ вазахъ, которыя достались намъ въ наслѣдство, находился какой-то красный порошокъ. — Саладинъ вздумалъ составить изъ него красную краску, и въ самомъ дѣлѣ вышла краска удивительная. Еще при жизни отца нашего познакомился съ нами одинъ богатый купецъ, которой ставилъ въ сераль всякаго рода мебели и уборы. — Саладинъ пріобрѣлъ благосклонность этаго человѣка; а онъ, имѣвши большой кредитъ, старался помочь ему ввести общее употребленіе составленную имъ красную краску.

Она полюбилась, и всѣ начали ее покупать; но Саладиновъ запасъ краснаго порошку видимо уменьшался; онъ вздумалъ разсмотрѣть его составъ, и скоро посредствомъ многихъ химическихъ опытовъ узналъ эту тайну: съ тѣхъ поръ онъ могъ уже во всякое время имѣть такое количество краски своей, какое было ему потребно.

И надобно вамъ сказать, милостивыя государи, что Саладинъ имѣетъ качества необыкновенныя: онъ всегда веселъ; наружность его, чрезвычайно пріятная, вселяетъ къ нему довѣренность и всякому хочется имѣть дѣло съ Саладиномъ. Увы! Небо отказало мнѣ во всѣхъ этихъ преимуществахъ; я часто замѣчалъ, что мое лице печальное и угрюмое (слѣдствіе многочисленныхъ и непрерывныхъ несчастій) отдаляло отъ меня людей: никто не хочетъ ввѣряться такому человѣку, который всегда глядитъ изъ подлобья.

Я помню, что одна богатая женщина, сопровождаемая толпою невольниковъ и невольницъ, пришла въ лавку моего брата Саладина — ей хотѣлось что-то купить, но брата не было въ лавкѣ; встрѣтить эту госпожу и показывать ей товары надлежало мнѣ. Она прельстилась моею фарфоровою вазою, хотѣла непремѣнно ее купить, соглашалась дать мнѣ такую цѣну, какую потребую; но я отказалъ ей на отрѣзъ, будучи твердо увѣренъ, что ваза моя есть талисманъ, и что разставшись съ нею, навлеку на себя какое-нибудь несчастіе. Незнакомая госпожа требовала весьма упорно, чтобы я продалъ ей вазу; но я съ такимъ же упорствомъ отказывался отъ продажи, и наконецъ она вышла изъ лавки въ превеликой досадѣ.

Саладинъ пришелъ домой; я разсказалъ ему о томъ, что случилось въ его отсутствіе — онъ называлъ поступокъ мой неблагоразумнымъ и говорилъ, что никогда не должно терять выгоды настоящей и вѣрной, для выгоды мечтательной и отдаленной. На другой день незнакомая госпожа опять зашла въ нашу лавку, и Саладинъ продалъ ей свою вазу за десять тысячь золотыхъ монетъ. На эти деньги накупилъ онъ разныхъ товаровъ, отъ чего торгъ его сдѣлался и прибыточнѣе и важнѣе.

Я раскаявался, но раскаяніе мое было уже поздное — и этотъ случай былъ новымъ доказательствомъ, что у меня на роду написано придумывать умное не во время и безъ успѣха. Въ самомъ дѣлѣ, не хуже другихъ вижу я, какъ надобно въ такомъ случаѣ поступить; но это обыкновенно случается со мною уже тогда, когда случай прешелъ и когда мнѣ остается только сожалѣть, для чего поступилъ я въ противность здравому смыслу. Не рѣдко бывало и то, что я остаюсь въ нерѣшимости, а между тѣмъ чувствую самъ, что случай благопріятный улетаетъ. Что же

мнѣ дѣлать? могу ли противиться дѣйствію злобной планеты?

Открылось, что незнакомая женщина, купившая у брата моего фарфоровую вазу, была любимая Султанша: все повиновалось ея владычеству въ сералѣ. Она возненавидѣла меня за то, что я съ такимъ упорствомъ отказался исполнить ея желаніе, и объявила, что нога ея не будетъ въ лавкѣ Саладина по тѣхъ поръ, пока онъ не разстанется съ Мурадомъ. Саладинъ никакъ не хотѣлъ меня отпустить отъ себя; но живучи со мною, онъ потерялъ бы многія, весьма для него важныя выгоды. Я не могши рѣшиться помѣшать фортунѣ такого добраго брата, каковъ былъ Саладинъ, ушелъ потихоньку изъ его дома, и сказать правду, самъ не зналъ, что со мною будетъ.

Нѣсколько времени скитался я по улицамъ Константинопольскимъ и уже начиналъ чувствовать голодъ. Сажусь у дверей хлѣбника и требую, чтобы онъ далъ мнѣ какую нибудь помощь. Хлѣбникъ обѣщался накормить меня до сыта, если я соглашусь надѣть на себя его платье и вмѣсто его продавать по улицамъ хлѣбы. Я согласился — судьба моя того хотѣла. Но уже давно жители Константинополя жаловались на хлѣбниковъ за то, что ихъ хлѣбы и худо были испечены и не имѣли надлежащаго вѣсу. Неудовольствія въ здѣшнемъ городъ, какъ и вамъ удавалось можетъ быть слышать, производятъ не рѣдко великія возмущенія. Все это не хуже другихъ было извѣстно и мнѣ; но злая моя судьба запретила мнѣ во время объ этомъ подумать.

Около четверти часа бродилъ я изъ улицы въ улицу, продавая хлѣбы — вдругъ окружило меня множество чернаго народа; начинаютъ меня бранить, толкать, бросаютъ въ меня грязью — бѣгу къ воротамъ Султанскаго дворца и, вся толпа бѣжитъ за мною съ ужаснымъ крикомъ. Визирь, испуганный возмущеніемъ, приказываетъ отрубить мнѣ голову, чтобы успокоить народъ. Бросаясь передъ его могуществомъ на колѣна, объявляю, что не я тотъ хлѣбопекъ, на котораго гнѣвается народъ; разсказываю исторію о своемъ платьѣ. Сжальтесь, честные Музульмане! воскликнулъ я наконецъ въ слезахъ: не я виноватъ, а суровая моя участь! — Всѣ засмѣялись. Одни плевали мнѣ въ лицо, другіе кричали, отрубить ему голову, она очень глупа и ни на что ему негодная. Нашлись однако добрые люди, которые за меня вступились; наконецъ меня выпустили, и я побѣжалъ неоглядываясь, бросивъ посреди улицы корзину съ хлѣбами, которые всѣ были разхищены въ одну минуту!

Я рѣшился уйти изъ Константинополя, оставивъ вазу свою на сохраненіе Саладину. Какъ вздумано, такъ и сдѣлано. Въ пристани встрѣтился я съ отрядомъ войска, отправлявшимся на

кораблѣ въ Египетъ. Буди воля пророка! сказалъ я самому себѣ. Если назначено мнѣ утонуть въ морѣ, то ужь конечно я не умру на сушъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше — и я сѣлъ на корабль. Долго ли мы плыли, не знаю; во все время вашего путешествія сидѣлъ я на палубъ и курилъ табакъ, твердо рѣшившись не перемѣнять своего положенія и въ самую жестокую бурю. Если назначено кораблю погибнуть, такъ думалъ я, то онъ погибнетъ непремѣнно, сколько бы я ни трудился предохранить его отъ разбитія! Зачемъ же безпокоить себя попустому? никто не можетъ избавиться отъ того, что ему назначено Промысломъ.

Но мы пристали благополучно къ берегамъ Египта. Я вышелъ изъ корабля послѣдній; было уже очень поздно, когда я пришелъ въ лагерь Элль-Арита. Трубка моя погасла; иду къ одной палаткѣ, въ которой свѣтился огонь, чтобы ее разкурить. Вдругъ… вижу на землѣ что-то блестящее; наклоняюсь — то былъ драгоцѣнный алмазный перстень. Беру его съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы на другое утро объявить черезъ крикуна о своей находкѣ, и надѣваю на лѣвой мизинецъ. — Всё несчастія! Перстень былъ слишкомъ великъ, а мизинецъ мой слишкомъ малъ, и въ то самое время, какъ я наклонился къ огню, чтобы закурить свою трубку, онъ упалъ въ сѣно, разостланное передъ осломъ; я началъ разгребать сѣно: оселъ ударилъ меня задними копытами и такъ сильно, что я, отлетѣвъ отъ него шаговъ на пять, упалъ на солдата, спящаго подлъ палатки. Онъ закричалъ, и крикомъ своимъ разбудилъ другихъ; они вскочили, сбѣжались ко мнѣ, обступили меня кругомъ; въ это самое время какъ на бѣду попался мнѣ въ сѣнѣ потерянный мною перстень, и я держалъ его въ рукъ. Трудно ли послѣ этаго счесть меня за вора! И тотчасъ начали меня увѣрять, что я укралъ какіе-то дорогіе товары, похищенные за недѣлю до прибытія нашего въ лагерь. Я представилъ свидѣтелей, которые вмѣстѣ со мною побожились, что я въ это время плылъ на кораблѣ изъ Константинополя — намъ повѣрили; однако, не смотря на то, приказали меня для нѣкоторыхъ причинъ выколотить палками по пятамъ, что было въ ту же минуту весьма порядочно исполнено; и я три дни пролежалъ на постелѣ съ превеликою опухолью на пяткахъ. Подобные случаи бываютъ только со мною; а вся бѣда произошла отъ того, что мнѣ не вздумалось прежде утвердить хорошенько на пальцѣ своемъ перстень и потомъ уже начать разкуривать свою трубку.

Наконецъ опухоль на пяткахъ моихъ прошла, и я могъ уже вставать съ постели. Однажды вздумалось мнѣ заглянуть въ одну палатку, надъ которою развѣвалъ красный флагъ и которую называли кофейнымъ домомъ. Въ этомъ кофейномъ домъ увидѣлъ я незнакомаго мнѣ человѣка, который очень сожалѣлъ о потерѣ

драгоцѣннаго перстня; онъ описалъ мнѣ его примѣты; я тотчасъ догадался, что это былъ тотъ самый несчастный перстень, за который пострадали мои пятки. Я бы охотно подарилъ двѣсти цехиновъ тому, кто возвратитъ мнѣ, или скажетъ, гдѣ я могу отыскать свой перстень, говорилъ этотъ незнакомецъ, и я разсказалъ ему случившееся со мною, прибавивъ, что знаю въ лицо того мошенника, который вырвалъ изъ рукъ моихъ перстень. Однимъ словомъ, пропажа была мною отыскана, и я получилъ кошелекъ съ двумя стами цехиновъ — что нѣсколько утѣшило меня въ моемъ несчастіи.

Однажды ночью товарищи мои спали, а я перебиралъ и пересчитывалъ свои цехины. На другой день эти господа пригласили меня съ собою выпить нѣсолько чашекъ шербету — я согласился, и для чего было не согласиться! они меня потчивали, а я пилъ. Вдругъ начинаю чувствовать пресильную охоту спать — заснулъ — просыпаюсь — гдѣ же я? въ открытомъ полѣ, подъ пальмовымъ деревомъ — первая мысль о цехинахъ; ищу своего кошелька — онъ тутъ; а гдѣ цехины? всѣ изчезли! вмѣсто ихъ нашелъ я въ кошелькѣ около сотни маленькихъ камышковъ. Я догадался, что меня обманули, что вмѣсто шербета дали мнѣ пьянаго напитка, и что все это сдѣлано было по общему согласію съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы обобрать у меня мои цехины, которые замѣчены были мошенниками въ то время, когда я ихъ пересчитывалъ, воображая, что всѣ мои товарищи спали глубокимъ сномъ.

Я побѣжалъ въ лагерь, жаловался, но жалобы мои остались безполезными; я не имѣлъ доказательствъ, и всѣ надо мною смѣялись. Въ своемъ отчаяніи воскликнулъ я: бѣдный Мурадъ! и вмигъ разнеслось извѣстіе, что Мурадъ несчастный, котораго неудачи такъ славны были въ Константинополѣ, находится въ лагерѣ; на меня приходили смотрѣть, какъ на чудо; а когда я прохаживался по улицамъ лагеря, то всѣ указывали на меня пальцами и всѣ говорили: вотъ идетъ Мурадъ несчастный. И сказать правду, такая слава была не очень мнѣ по сердцу!

Въ то время наши солдаты имѣли страстную охоту стрѣлять въ цѣль, и они стрѣляли безъ всякой осторожности. Мнѣ самому случилось однажды видѣть, что выстрѣлъ, направленный въ верхушку палатки, попалъ въ самую палатку, которую пуля пробила на вылетъ; около десяти солдатъ были убиты на повалъ, и ни кто не могъ свѣдать, кто убійца. Такія несчастія почти не дѣлали никакого впечатлѣнія; свидѣтели убійства говорили очень спокойно, смотря на убитаго: „Добрый путь въ Магометовъ рай! часъ его пришелъ! отъ суженаго не избѣгнешь!“ — Всѣ эти примѣры болѣе и болѣе усиливали во мнѣ вѣру въ

предопредѣленіе. Я часто говорилъ самому себѣ: завтра можетъ быть умру; повеселимся же нынѣ, пока есть время!

Хотя я и не имѣлъ своихъ денегъ, но я не терпѣлъ никакого въ нихъ недостатка; жиды, находившіеся въ лагерѣ, ссужали ими солдатъ за большіе проценты. Я познакомился съ однимъ изъ этихъ плутовъ, который зналъ моего брата Саладина; этотъ ростовщикъ будучи увѣренъ, что въ случаѣ смерти моей заплатитъ за меня мой братъ, согласился ссудить меня хорошею суммою. Я очень любилъ кофе и опіумъ: пріятное волненіе, которое производилъ во мнѣ сей послѣдній напитокъ. Оживлялъ мою душу, и я забывалъ на нѣсколько времени все свое горе.

Однажды я былъ очень веселъ, плясалъ какъ сумасшедшій и поздравлялъ себя нараспѣвъ, что я уже не Мурадъ несчастный, въ эту минуту схватилъ меня за руку одинъ совсѣмъ незнакомый мнѣ человѣкъ: спрячься скорѣе Мурадъ; развѣ не видишь, что стрѣлки прицѣлились въ твою чалму? они уже дали одинъ промахъ, въ другой разъ могутъ и попасть! — „За кого ты меня принимаешь? — сказалъ я — теперь уже нѣтъ Мурада несчастнаго.“ И я продолжалъ плясать; минуты черезъ двѣ пуля ударила меня въ голову, и я упалъ замертво. Меня оживили; но лѣченіе раны моей было для меня хуже смерти — такъ жестоко меня мучили. А самое досадное было то, что армія должна была идти въ походъ, и я боялся, чтобы меня не бросили назади вмѣстѣ съ неизлѣчимыми.

Лѣкарь совѣтовалъ мнѣ, чтобы я старался какъ можно быть спокойнѣе; но я уже вамъ сказалъ, что вредоносная планета моя вѣчно препятствовала мнѣ понимать вещи и во время и какъ должно. Мое безпокойство о томъ, чтобы не остаться назади, было такъ велико, что я по нѣскольку разъ въ день подымался съ постели, дабы посмотрѣть, согласно ли съ постановленіемъ выходятъ изъ лагеря наши войска. Но солдаты не очень спѣшили повиноваться, и палатки были снимаемы очень медленно. Лѣкарь, навѣстивъ меня ввечеру, нашелъ, что я очень болѣнъ и что, мнѣ трудно будетъ перенести безпокойство похода. На другой день приходятъ за мною солдаты, хотятъ посадить меня на осла; но этотъ оселъ былъ самый тотъ, который лягнулъ въ меня задними ногами въ то время, когда я искалъ перстня; я разсудилъ, что эта скотина можетъ навлечь на меня какое нибудь несчастіе и отказался на нее сѣсть, упросивъ солдатъ, чтобы они несли меня поперемѣнно на рукахъ. Но жаръ былъ несносный; они не могли его вынести и положили меня на песокъ, сказавъ, что идутъ къ ближнему источнику за водою.

Напрасно дожидался я ихъ возвращенія — злодѣи безъ всякаго состраданія оставили меня умирать на горячемъ пескѣ,

отъ жажды, которая страшнымъ образомъ меня мучила. Я потерялъ всю надежду. Магометъ опредѣлилъ, такъ думалъ я, чтобы мнѣ погибнуть въ степи и чтобы хищныя птицы разклевали мое тѣло! Да будетъ его воля! Но въ это время нашелъ на меня отрядъ Англійскихъ войскъ. Хотя они и Христіане, но поступили со мною гораздо человѣколюбивѣе, нежели правовѣрные Магометовы чада. Эти добрые люди залѣчили мою рану — судьба однако не переставала преслѣдовать меня, какъ и прежде. Вотъ что случилось со мною. Мы страшную терпѣли жажду. Англичане вздумали вырыть колодезь въ одномъ мѣстѣ, гдѣ по увѣренію одного изъ ихъ инженеровъ должна была находиться вода. Будучи большой охотникъ рыться въ землѣ, я разсудилъ отыскать источникъ и указалъ на одно мѣсто, гдѣ по моимъ примѣтамъ надлежало быть пруду. Меня остерегали, увѣряя, что поиски мои будутъ напрасны и что я конечно не найду воды въ томъ мѣстѣ, въ которомъ найти ее чаю. Я не послушался добрыхъ совѣтовъ, пошелъ — и въ самомъ дѣлъ не нашелъ ничего. Безъ сомнѣнія былъ я обманутъ: какимъ нибудь злонамѣреннымъ духомъ.

Утомившись чрезвычайно; палимый зноемъ, пошелъ я назадъ по тѣмъ слѣдамъ, которые оставлены были на пескѣ моими ногами. Началъ дуть вѣтерокъ; онъ освѣжалъ меня, и я благодарилъ Небо за эту помощь, но какъ же я ужаснулся, когда замѣтилъ, что этотъ самый прохладный вѣтерокъ заметалъ слѣды, означавшіе на пескѣ мою дорогу — всѣ они изчезли, и я не зналъ, въ какую сторону обратиться. Я чувствовалъ голодъ; мучительная жажда меня снѣдала. Наконецъ отчаяніе мною овладѣло; я бросилъ на песокъ свою чалму, разорвалъ на себѣ одежду и залился горькими слезами. Смерть моя казалась неизбѣжною; я думалъ только о томъ, какъ бы ее ускорить. Прежде еще выступленія войскъ нашихъ запасся я на всякой случай опіумомъ; онъ спрятанъ былъ въ складкахъ моей чалмы; хочу его принять — увы! послѣднее утѣшеніе умереть легкою смертію было похищено у меня жестокой судьбою: опіумъ выпалъ изъ чалмы въ ту самую минуту, когда я ее сбросилъ съ головы и я не могъ уже отыскать его въ пескѣ. Я повалился на землю, поручивъ участь Свою Магомету.

Никакимъ перомъ не льзя описать того, что я терпѣлъ отъ голода и жажды; наконецъ пришелъ я въ какое-то бѣшенство, и мнѣ видѣлись разные ужасы. Долго ли продолжалось это безпамятство, я не знаю; но меня извлекли изъ него человѣческіе голоса: я увидѣлъ въ нѣкоторомъ отъ себя разстояніи караванъ богомольцевъ, возвращающихся изъ Мекки. Они нашли источникъ, и это было причиною тѣхъ радостныхъ восклицаній, которыя меня разбудили. Подивитесь же моему несчастію! этотъ

источникъ находился отъ меня очень близко, а я умиралъ отъ жажды. Не смотря на свою слабость, я началъ кричать и поползъ къ тому мѣсту, откуда слышались мнѣ голоса. Я скоро увидѣлъ своими глазами путешественниковъ: они наполняли водою мѣхи и поили верблюдовъ. Но силы мои совсѣмъ истощились, я не могъ уже ни кричать, ни ползти и уже видѣлъ, что они садились на верблюдовъ, готовы будучи удалиться. О жестокая звѣзда! подумалъ я, они уѣдутъ; но мнѣ пришло въ голову снять съ моей чалмы бѣлое полотно и имъ махать, что я и сдѣлалъ — путешественники меня увидѣли, приближились ко мнѣ; одинъ невольникъ меня напоилъ, и я разсказалъ имъ, какою судьбою зашелъ въ эту ужасную пустыню.

Между тѣмъ одинъ изъ путешественниковъ разсматривалъ очень. внимательно кошелекъ, висѣвшій у меня на поясѣ — это былъ тотъ самый кошелекъ, которой получилъ я съ цехинами за открытіе потеряннаго перстня; на немъ изображено было имя того, кому онъ принадлежалъ прежде. Путешественникъ, смотрѣвшій на него со вниманіемъ, былъ братъ моего благодѣтеля; мы объяснились, и этотъ человѣкъ обѣщался меня не оставить. Караванъ шелъ въ Каиро — мой новый знакомецъ предложилъ мнѣ слѣдовать за нимъ, и вамъ не нужно сказывать, что я съ большою охотою согласился на это выгодное для меня предложеніе.

„Послушай, Мурадъ, — сказалъ мнѣ новый мой покровитель, когда я описалъ ему свои несчастія — ты почитаешь себя осужденнымъ на неудачи; я въ этомъ съ тобою несогласенъ, и берусь помогать твоему горю: совѣтуйся со мною всякой разъ, когда ты вздумаешь приняться за какое нибудь дѣло. Я обѣщался исполнять его приказанія.

Этотъ человѣкъ былъ и богатъ и великодушенъ; онъ содержалъ меня очень хорошо: должность моя состояла въ присмотрѣ за вьюкомъ верблюдовъ и пересчитываніи тюковъ при ихъ перекладкѣ. Я исполнялъ эту должность съ великою точностію каждый вечеръ. Однажды — это случилось въ самый день нашего прибытія, въ Александрію — я полѣнился пересчитать тюки, будучи увѣренъ, что они всѣ на лицо. Начали перегружать ихъ на корабль; что же? недоставало трехъ тюковъ хлопчатой бумаги. Мой господинъ сдѣлалъ мнѣ выговоръ, но кроткій и слишкомъ милостивый. Черезъ крикуна возвѣстилъ онъ, что дастъ хорошее награжденіе тому, кто отыщетъ пропажу — и пропажа нашлась; но корабль уже отвалилъ отъ берега. Мы — я и мой господинъ — сѣли въ шлюбку, съ своею хлопчатою бумагою, догнали корабль; но Капитанъ сказалъ намъ, что уже не было никакого способа помѣстить на немъ наши товары, что онъ уже

былъ полонъ. Очень долго спорили — наконецъ Капитанъ согласился дать мѣсто на палубъ нашимъ тремъ тюкамъ, а мнѣ приказано было стеречь ихъ и днемъ и ночью.

Въ продолженіе нашего плаванія не случилось съ нами никакого несчастія; но въ послѣднюю ночь, на канунѣ отбытія корабля въ Каиро, заснулъ я, выкуривъ свою трубку, на одномъ изъ тюковъ съ хлопчатою бумагою. Трубка была единственнымъ моимъ утѣшеніемъ и я не разставался съ нею ни на минуту. Что же? моя злая судьба и это невинное удовольствіе обратила въ мою погибель: вдругъ пробуждаютъ меня крики моихъ товарищей! Вскакиваю! что сдѣлалось? Я не высыпалъ пепла изъ моей трубки! хлопчатая бумага загорѣлась, и чалма на головъ моей уже пылала. Я весь изжегся и на лбу у меня выскочило множество волдырей; а когда затушили огонь, то Капитанъ корабля торжественно, объявилъ, что онъ не согласится ни за какія деньги, держать на своемъ суднѣ такого человѣка, которое причиною всѣхъ несчастій; и добрый мой господинъ, удостовѣренный опытами, что непріязненная звѣзда моя не позволяетъ мнѣ быть исправнымъ слугою, рѣшился со мною разстаться; онъ далъ мнѣ кошелекъ съ пятьюдесятью цехинами и сказалъ: теперь ты свободенъ, Мурадъ; постарайся употребить на пользу свою эти цехины, и участь твоя можетъ быть перемѣнится. Увы! я не имѣлъ никакой надежды на счастіе, однако рѣшился послѣдовать доброму совѣту и сдѣлать выгодное употребленіе изъ моихъ цехиновъ.

Прошла недѣля. Въ одинъ день, прохаживаясь по улицамъ великаго Каира, я встрѣтился съ человѣкомъ, котораго лицо показалось мнѣ знакомо. Всматриваюсь, узнаю того жида, который ссудилъ меня деньгами въ лагерѣ Эллъ-Ариша. Не могу понять, что привело этаго проклятаго еврея въ Каиро; конечно судьба моя шепнула ему на ухо: ты найдешь въ этомъ городѣ Мурада! счастливый путь! Онъ привязался ко мнѣ съ требованіемъ, чтобы я заплатилъ ему долгъ, грозясь объявить меня бѣглымъ солдатомъ, хорошо извѣстно было ему, что я бѣжалъ по неволѣ, будучи брошенъ больной на дорогѣ. Я старался умилостивить своего сердитаго заимодавца — шумѣли? шумѣли — наконецъ условились, чтобы я заплатилъ ему капиталъ, и чтобы онъ отсрочилъ мнѣ платежъ процентовъ, за что я обязывался купитъ у него связку платья, доставшагося ему изъ вторыхъ рукъ, и, которое онъ соглашался уступить за весьма дешевую цѣну по той причинѣ, что ему необходимо нужно было какъ можно скорѣе уѣхать изъ Каиро. Онъ показалъ мнѣ платье, и въ самомъ дѣлъ оно было очень богатое; словомъ сказать, я купилъ этотъ товаръ въ твердой увѣренности, что продамъ его

скоро и за хорошія деньги.

Въ самомъ дѣлъ такъ и случилось — я вынесъ платье свое на рынокъ, купцовъ нашлось очень много, и въ нѣсколько дней все мое сокровище было раскуплено, а я остался съ порядочнымъ барышемъ.

Дней черезъ пять, приходитъ ко мнѣ одинъ Дамасскія купецъ, которой купилъ у меня два невольничьихъ платья, и объявляетъ, что тѣ изъ его невольниковъ, для которыхъ были оныя куплены, заразились чумою, и что онъ полагаетъ мои платья причиною этой заразы. Я никакъ не могъ вообразить, чтобы это была правда; пошелъ на базаръ; тамъ встрѣтились со мною многіе изъ моихъ покупщиковъ, которые объявили мнѣ то же, что и купецъ Дамасскій. Я показалъ имъ на свои ноги. Видите ли вы эти прекрасныя туфли? государи мои — сказалъ я имъ — они находились въ одномъ ящикѣ съ моими платьями; захотѣлъ ли бы я ихъ надѣть, когда бы воображалъ, что они заражены чумою? Слова мои нѣсколько ихъ успокоили. На другое утро однако одинъ изъ этихъ господъ приходитъ ко мнѣ въ домъ и говоритъ: что ты надѣлалъ, Мурадъ! всѣ мои невольники, которыхъ одѣлъ я въ купленное у тебя платіе, заражены чумою! Я затрепеталъ. Мы начинаемъ разсматривать тотъ ящикъ, въ которомъ прежде лежало платье. Что же? на крышкѣ находимъ изглаженную надпись: Смирна, а въ Смирнѣ за нѣсколько времени передъ симъ свирѣпствовала страшная зараза. Тутъ догадался я, для чего мой жидъ не хотѣлъ самъ продавать своего товара, и вспомнилъ, что онъ, приподнимая крышку ящика (чтобъ показать мнѣ платья), держалъ подъ носомъ губку, обмоченную въ уксусъ, увѣряя меня, что запахъ мускуса для него ужасно вреденъ.

Сказываютъ, что робость располагаетъ наше тѣло къ принятію чумы. Если это правда, то вѣрно никто на свѣтѣ не могъ быть такъ скоро приготовленъ къ этой болѣзни, какъ я въ ту минуту: мысль, что, я буду причиною распространенія моровой язвы, и что можетъ быть она уже вошла въ мое тѣло, такъ устрашила меня, что я въ ту же минуту занемогъ жестокою горячкою.

Очень долго пролежалъ я безъ всякой памяти. Пришедши въ чувство, увидѣлъ я себя въ бѣдной хижинѣ, на соломѣ — въ углу сидѣла старушка и курила табакъ. Она объявила мнѣ, что Кади велѣлъ меня выбросить за городъ, и что мой домъ былъ срытъ до основанія и сожженъ. „Безъ меня, бѣдный человѣкъ, ты уже давно бы умеръ, но я дала обѣщаніе великому пророку не упускать ни одного случая сдѣлать доброе дѣло. Вотъ твой кошелекъ, которой мнѣ удалось спасти отъ жадной черни, и что еще болѣе, отъ когтей правосудія. Сначала укрѣпись, а послѣ разочтемся.“

Сверхъ всякаго чаянія зараза меня не умертвила. Я посылалъ

старушку узнать, что дѣлается въ Каирѣ. Чума уменьшается — сказала она мнѣ — я видѣла однако множество погребеній. всѣ жители проклинаютъ какого-то Мурада, несчастнаго человѣка.

Я простившись съ моею избавительницею, вступилъ въ лазаретъ, чтобъ выдержать карантинъ и потомъ уѣхать изъ Каира, гдѣ всѣ ненавидѣли бѣднаго Мурада. Мнѣ пришло въ голову, что всѣ несчастія мои происходили отъ моего небреженія о драгоцѣнномъ талисманѣ, мною наслѣдованномъ отъ отца: три ночи сряду видѣлъ я во снѣ какого-то генія, который увѣщавалъ меня вспомнить о чудотворной фарфоровой вазѣ, и я рѣшился возвратиться въ Константинополь съ твердымъ намѣреніемъ поправить свою ошибку. Въ пристани спрашиваю у перваго попавшагося мнѣ носильщика, не знаетъ ли онъ чего нибудь о Саладинѣ? „Какъ не знать, отвѣчалъ носильщикъ, и кому въ Константинополѣ неизвѣстенъ Саладинъ счастливецъ.“ — Гдѣжъ его домъ? — Мнѣ указали великолѣпныя палаты. Я никакъ не могъ повѣрить, чтобы это было жилище моего брата, и долго не рѣшался въ него войти. Но въ это время Саладинъ самъ явился въ дверяхъ богатаго дома; онъ узналъ меня, и съ восклицаніемъ радости: бросился ко мнѣ на шею. Я поздравлялъ его съ такою блестящею фортуною. Вотъ Саладинъ, сказалъ я ему, ты не вѣрилъ мнѣ, что люди родятся или счастливыми или несчастными! но ты перестанешь въ этомъ сомнѣваться, когда я разскажу тебѣ свой приключенія. Не подумай однако, чтобы я поселился въ твоемъ домѣ — нѣтъ, другъ мой! несчастія мои заразительны; могу ли я пожелать тебѣ погибели! Я пришелъ сюда только за тѣмъ, чтобы взять у тебя свою фарфоровую вазу. Братъ мой очень много смѣялся моимъ разсужденіямъ, и хотѣлъ непремѣнно, чтобы я поселился въ его домѣ. Саладинъ не перемѣнилъ ни мало своего любезнаго характера: онъ былъ по прежнему скроменъ и доступенъ. Выслушавъ съ терпѣніемъ мою повѣсть, онъ разсказалъ мнѣ весьма подробно о томъ, что случилось съ нимъ послѣ нашей разлуки: въ приключеніяхъ его не было ничего необычайнаго; и можно было заключить изъ его словъ, что онъ сдѣлался счастливъ по естественному ходу вещей; но для меня его мнѣніе было совсѣмъ неубѣдительно, я остался при той мысли, что ему помогала счастливая звѣзда, а меня преслѣдовала несчастная и злая.

И не прошло четырехъ дней послѣ моего переселенія въ домъ Саладиновъ, какъ уже онъ почувствовалъ, что у него живетъ любезный братецъ его Мурадъ. Та самая Султанша, которой Саладинъ продалъ свою вазу, поручила ему выписать для нее изъ Венеціи большое дорогой цѣны зеркало.

Саладинъ исполнилъ это порученіе. Зеркало уже въ пристани,

онъ приказываетъ невольникамъ перенести его къ себѣ въ домъ, а самъ идетъ къ Султаншъ съ объявленіемъ, что зеркало, ею требуемое, привезено. Было уже поздно. Султанша приказала моему брату поберечь эту драгоцѣнную вещь въ своемъ домъ до слѣдующаго утра. Зеркало поставили въ одной горницѣ нижняго этажа, которая имѣла сообщеніе съ моею — въ этой же горницѣ стояло и нѣсколько бронзовыхъ люстръ, купленныхъ Саладиномъ для своего дома. Надобно вамъ знать, что дни за два передъ тѣмъ сдѣлалась у нашего сосѣда покража, по улицамъ Константинопольскимъ шаталось много бродягъ. Братъ мой, имѣя большую сумму наличныхъ денегъ, приказалъ невольникамъ стоять поперемѣнно на караулъ ночью. Вотъ случай доказать усердіе мое Саладину — подумалъ я — и расположился не спать во всю ночь, разтворилъ двери своей горницы для того, чтобы малѣйшій шорохъ могъ разбудить меня, сѣлъ противъ нихъ совсѣмъ одѣтый, положивъ подлѣ себя обнаженную саблю и заснулъ. Въ полночь послышался мнѣ какой-то шумъ — вскакиваю — саблю въ руки, иду къ дверямъ — при слабомъ свѣтѣ лампады, которая горѣла въ прихожей горницѣ, вижу человѣка, вооруженнаго саблею. Кричу во весь голосъ; кто идетъ? Нѣтъ отвѣта. Подымаю саблю и выступаю впередъ — неизвѣстный также подымаетъ саблю и выступаетъ впередъ. Мнѣ оставалось только предупредить ударъ его своимъ ударомъ — и я грянулъ въ него изъ всей силы. Что же? врагъ мой изчезъ; зазвенѣло, застучало, на меня посыпались стекла. О судьба! я разбилъ зеркало, привезенное для Султанши. На стукотню сбѣжался весь домъ: наконецъ является и мой братъ Саладинъ, и что же онъ видитъ? Мурада плачущаго на развалинахъ драгоцѣннаго зеркала, имъ разрушеннаго. „Въ самомъ дѣлъ, Мурадъ несчастный, сказалъ братъ мой съ нѣкоторою досадою; но въ ту же минуту опомнившись, подалъ мнѣ руку, и прибавилъ съ усмѣшкою: прости мнѣ, Мурадъ! я укоряю тебя напрасно! ты не имѣлъ никакого дурнаго намѣренія; а это несчастіе весьма скоро можетъ быть исправлено!“

Братъ мой казался веселымъ; но въ самомъ дѣлѣ ему не льзя было не безпокоиться; онъ не зналъ, какъ примѣтъ Султанша извѣстіе о несчастіи, случившейся съ ея зеркаломъ. Я съ своей стороны, будучи увѣренъ, что разорю Саладина въ конецъ, если еще нѣсколько времени пробуду въ его домъ, рѣшился въ ту же минуту съ нимъ разлучиться, и сообщаю ему это намѣреніе. Братъ мой видя, что оно непоколебимо, сказалъ мнѣ: „Послушай, Мурадъ, въ одномъ изъ моихъ магазиновъ очистилось мѣсто фактора; не согласишься ли ты его занять? Должность твоя будетъ самая легкая; впрочемъ и самыя ошибки твои не могутъ

мнѣ сдѣлать никакого вреда; я богатъ, и упущеніе какой нибудь бездѣлицы ни мало не будетъ для меня разорительно.“

Добродушіе Саладина тронуло меня до слезъ; я въ то же самое утро переселился въ этотъ магазинъ, въ которомъ вы теперь меня видите; а въ вечеру братъ мой прислалъ ко мнѣ драгоцѣнную мою вазу и при ней записку, въ которой написано было слѣдующее: „краска, найденная мною въ фарфоровой вазѣ, положила основаніе моему богатству; справедливость требуетъ, чтобы я раздѣлилъ ее съ моимъ братомъ.“

Признаюсь самъ, что я не могъ наслаждаться счастливымъ своимъ состояніемъ, зная, что братъ подверженъ былъ гнѣву первой Султанши. Нынѣшнимъ утромъ прислалъ онъ мнѣ сказать, что Султанша соглашается его простить, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ доставилъ ей такую же точно вазу, какую она за годъ передъ тѣмъ у него купила. Я обрадовался случаю пожертвовать своею драгоцѣнностію Саладину, и велѣлъ ему сказать, что принесу къ нему эту вазу самъ. Мнѣ хотѣлось ее хорошенько вымыть, потому что на днѣ ея находились еще нѣкоторые слѣды красной краски; я влилъ въ нее кипятку; вдругъ слышу — шипитъ; не успѣлъ мигнуть, какъ бѣдная моя ваза разлетѣлась на части. Послѣ этаго судите, милостивые государи, не имѣю ли я права называть себя несчастнымъ, и не лучшели бы гораздо было, когдабъ я совсѣмъ не родился на свѣтъ!“

Въ эту минуту вошелъ въ горницу Саладинъ. Не видя своего брата, онъ вообразилъ, что съ нимъ сдѣлалось какое нибудь новое несчастіе — онъ ахнулъ, увидѣвши на полу развалины вазы; но разсмотрѣвъ ихъ съ своимъ обыкновеннымъ присутствіемъ духа, сказалъ: берусь склеить эти черепки и ваза будетъ цѣла по прежнему. „Видители, государи мои! воскликнулъ Мурадъ; счастіе слѣдуетъ за нимъ, какъ тѣнь. Ему стоитъ только показаться, чтобы всѣ сдѣлались довольны и веселы. И на вашихъ лицахъ изображается удовольствіе; хотите ли его увеличить? пускай Саладинъ разскажетъ вамъ свои приключенія.“ — Охотно исполню ваше требованіе, сказалъ Саладинъ: но съ тѣмъ условіемъ, чтобы эти добрые чужестранцы у меня отужинали. Султанъ любопытенъ былъ слышать исторію Саладина и пошелъ къ нему въ домъ. Послѣ ужина Саладинъ началъ разсказывать:

„Не думаю, чтобы въ моемъ младенчествѣ случалось со мною что нибудь необыкновенно счастливое; но долженъ вамъ признаться, что наименованіе счастливый произвело во мнѣ великую довѣренность къ самому себѣ и къ фортунѣ; я сдѣлался высокомѣрнымъ и смѣлымъ, и это могло бы обратиться мнѣ во вредъ, когдабы одинъ бездѣльный случай, сдѣлавшій на душѣ моей глубокое впечатлѣніе, неизлѣчилъ меня совершенно отъ сей

болѣзни. Въ Константинополѣ находился одинъ Французскій инженеръ, который пользовался отмѣнною милостію Султана. Онъ праздновалъ рожденіе повелителя вѣрныхъ и давалъ фейерверкъ. Зрителей собралось чрезвычайно много и я былъ въ томъ же числѣ. Намъ многократно кричали: отойдите, фейерверкъ опалитъ васъ. Тѣ, которые стояли подлѣ меня, отдалились; а я, въ крѣпкой надеждѣ на доброхотную мою звѣзду, остался на прежнемъ мѣстѣ, и черезъ минуту былъ осыпанъ огнемъ, который опалилъ мнѣ лице и руки.

Инженеръ, услышавъ о моемъ приключеніи, навѣстилъ меня въ моемъ домѣ. Я имѣлъ счастіе ему понравиться; мы познакомились, и я много извлекъ пользы изъ разговоровъ своихъ съ этимъ почтеннымъ человѣкомъ. Онъ принудилъ меня смотрѣть безъ предубѣжденія на многія вещи, о которыхъ я имѣлъ понятіе совсѣмъ ложное; напримѣръ, онъ истребилъ во мнѣ безразсудную мысль? будто обстоятельствами нашей жизни управляетъ счастіе и несчастіе. Что такое счастіе? говорилъ онъ: искусство и благоразуміе. Что такое несчастіе? глупость, опрометчивость, неосторожность. Ты видишь, другъ мой, что безразсудная твоя неосмотрительность едва не привела тебя ко гробу. Оставь безсмысленной толпѣ слѣпую вѣру на счастіе. Пусть, кто хочетъ называетъ тебя Саладиномъ счастливымъ; поступай такъ, чтобы имѣть право на почтенное имя Саладина осторожнаго и мудраго.

Слова этаго благоразумнаго чужестранца оставили во мнѣ глубокое впечатлѣніе и дали другой оборотъ мыслямъ моимъ и предпріятіямъ. Вы можетъ быть уже слыхали отъ Мурада, что мы не рѣдко спорили съ нимъ о предопредѣленіи, и что я никогда не соглашался вѣрить этой мечтѣ, подобно Мураду. Мы остались каждый при своемъ мнѣніи, и эти мнѣнія, какъ я увѣренъ, были единственною причиною какъ успѣховъ моихъ, такъ и его несчастій.

Мурадъ конечно вамъ сказывалъ, что я разбогатѣлъ отъ красной краски, найденной мною въ фарфоровой вазъ. Безъ сомнѣнія эту находку могу назвать случаемъ счастливымъ; но какую бы она принесла мнѣ пользу, когда бы я не употребилъ большихъ стараній на составленіе сначала краски изъ найденнаго мною порошка, потомъ и самаго красильнаго порошка? Я согласенъ, что мы невластны предвидѣть произшествія и управлять ими; но я увѣренъ, что судьба наша зависитъ отъ того употребленія, которое мы дѣлаемъ изъ своихъ способностей.

Вы слышали отъ Мурада, что я продалъ вазу свою первой Султаншѣ; вырученныя за нее деньги дали мнѣ способъ привести въ порядокъ и разпространить свою торговлю. Я былъ остороженъ въ дѣлахъ своихъ, наблюдалъ правила строгой умѣренности, и

особенно старался честными способами понравиться тѣмъ людямъ, которые посѣщали мою лавку, или имѣли со мною дѣло. Надобно признаться, что я во всемъ этомъ не имѣлъ неудачи: въ нѣсколько времени богатство мое превзошло мои надежды.

Одно произшествіе произвело въ обстоятельствахъ моихъ великую перемѣну. Въ предмѣстіи Перѣ сдѣлался пожаръ неподалеку отъ сераля Султанскаго. Будучи иностранцами, государи мои, вы не слыхали можетъ бытъ объ этомъ ужасномъ пожарѣ; но онъ привелъ въ волненіе всю нашу столицу. Великолѣпныя палаты Визиря обращены были въ пепелъ; мечеть Софійская имѣла ту же участь. Я слышалъ разныя мнѣнія о причинахъ сего несчастія: одни называли его гнѣвомъ Неба, которое наказало Султана за то, что онъ въ одну пятницу не ходилъ въ мечешь, другіе увѣряли, что Магометъ сердитъ былъ на Султана за то, что онъ вмѣшался въ невыгодную войну, и что за ту же вину сжегъ палаты его Визиря, а всѣ политики наши утверждали единодушно, что вышнею судьбою опредѣлено было въ такой-то день и часъ сгорѣть нѣсколькимъ домамъ въ предмѣстіи Перъ. Изъ всѣхъ этихъ многоразличныхъ мнѣній выходило то, что жители Константинополя совсѣмъ непочитали за нужное брать предосторожности противъ пожара — и въ это время пожары случались почти каждую ночь. Нерѣдко ловили зажигателей, вооруженныхъ фитилями, которые пользуясь общею безпечностію, произходившею отъ глупаго предразсудка, основывали свои выгоды на несчастіи народа. Но сіи открытія не уменьшали гибельной вѣры въ предопредѣленіе. Что же касается до меня, то я не позволялъ себѣ покоряться общему суевѣрію; а употреблялъ всѣ способы для предохраненія моего дома отъ пожара. На дворъ моемъ вырытъ былъ водоемъ довольно обширный и всегда наполненный водою; домы смежные съ моимъ, часто загорались, но ни одинъ изъ нихъ не былъ жертвою пожара, благодаря пособію, подаваемому въ скорости мною. Сосѣди мои называли меня своимъ покровомъ, они безпрестанно твердили, что я рожденъ счастливымъ, и что все ко мнѣ близкое заимствуетъ отъ меня счастіе.

Въ одинъ вечеръ, отужинавъ у своего пріятеля, я возвращался довольно поздно домой — вдругъ примѣчаю, что жолобъ одного изъ городскихъ фонтановъ свороченъ былъ въ сторону, такъ что вода бѣжала черезъ бассеинъ, въ которомъ отъ этаго не было ли капли воды. Совсѣмъ не воображая, чтобы это было сдѣлало съ умысломъ, я поправилъ жолобъ, и пошелъ далѣе. Вижу другой жолобъ, также свороченной въ сторону — вижу еще: нѣсколько жолобовъ, и съ ними сдѣлано то же что съ первыми. Это меня поразило, и наконецъ я догадался, что мошенники, умышляя

сдѣлать въ той части города пожаръ, старались уничтожишь заранѣе всѣ способы къ его потушенію. Сначала не зналъ я, на что рѣшиться; хотѣлъ разбудишь караульныхъ, которые очень спокойно спали, но мнѣ пришло въ голову, что караульные могли быть сами въ заговорѣ, въ противномъ случаѣ они давно бы примѣтили, что всѣ жолобы перемѣнили положеніе, и я рѣшился разбудишь своего сосѣда Цаматъ-Сади, богатаго купца, имѣвшаго множество невольниковъ, которые могли въ одну минуту разсѣять по всему городу тревогу. Цаматъ-Сади не долго думалъ; тотчасъ послалъ онъ объявить великому Визирю, что городъ въ опасности; и что прежде всего надобно подумать о сохраненіи священной особы Султана; потомъ разбудили и главныхъ чиновниковъ города. Янычарскій Ага велѣлъ бить въ бубны, и весь городъ былъ уже въ тревогѣ, когда показалось пламя въ нижнемъ этажѣ Цаматъ-Садіева дома. Злодѣи, собравшіеся толпою, чтобы воспользоваться общимъ замѣшательствомъ, взяты были подъ стражу. Словомъ сказать, благодаря предосторожностямъ нашимъ, пожаръ затушили въ ту самую минуту, въ которую онъ оказался.

На другой день при появленіи своемъ на базарѣ былъ я окруженъ купцами — меня обнимали, благодарили, называли благотворителемъ. Цаматъ-Сади подарилъ мнѣ драгоцѣнный алмазъ и кошелекъ съ золотыми монетами. Примѣру его послѣдовали другіе купцы и городскіе чиновники, а Визирь прислалъ мнѣ богатый перстень съ запиской: Спасителю Константинополя.

Такимъ образомъ въ одни сутки судьба моя совершенно перемѣнилась: я сдѣлался и богатъ и славенъ, началъ вести жизнь, соотвѣтственную новой моей фортунѣ — переселился въ богатой домъ и накупилъ множество невольниковъ. Нѣсколько дней спустя послѣ моего новоселья, на базарѣ я встрѣтился съ Жидомъ, которой, отведя меня въ сторону, сказалъ таинственнымъ голосомъ: ты купилъ многихъ невольниковъ, тебѣ надобно ихъ одѣть; не хочешь ли, я продамъ тебѣ, за дешевую цѣну прекрасныя платья? — Наружность этаго человѣка не понравилась мнѣ съ перваго взгляда, и я хотѣлъ уже ему отказать; но подумавъ, что выгоды своей никогда терять не должно, спросилъ, за какую цѣну разполагается онъ продать свои платья. Онъ удивилъ меня отвѣтомъ; цѣна была необыкновенно дешевая. Начинаю разспрашивать, какимъ образомъ достались ему эти платья; онъ отвѣчаетъ весьма двусмысленно: это заставило меня подумать, что платья или украденныя, или зараженныя чумою. Жидъ показалъ мнѣ ящикъ; но я замѣтилъ, что онъ, прежде нежели открылъ его, потеръ себѣ носъ ароматическими травами.

Запахъ мускуса мнѣ вреденъ — сказалъ онъ. — „И мнѣ также — возразилъ я — и мнѣ должно взять предосторожность.“- Жидъ „поблѣднѣлъ, вообразивъ, что я проникнулъ его тайну; онъ вышелъ въ другую горницу будто за ключемъ и болѣе не возвращался. Между тѣмъ я началъ разсматривать ящикъ, и на крышкѣ увидѣлъ совсѣмъ почти изглаженную надпись: Смирна. Это подтвердило мою догадку. Въ тотъ же день опять я встрѣтилъ моего Жида, выходящаго изъ воротъ Цаматъ-Сади — спрашиваю у своего сосѣда, какое имѣетъ онъ дѣло съ Жидомъ. Цаматъ-Сади отвѣчаетъ мнѣ, что этотъ человѣкъ вызывается продать ему неволыничьи платья. — Остерегись, Цаматъ-Сади. Я имѣю причину думать, что эти платья заражены чумою.! Я сообщилъ Цамату сдѣланныя мною примѣчанія, онъ очень много меня благодарилъ. Мм пошли къ Кадію съ доносомъ, но Кади нѣсколько замѣшкался взять Жида подъ стражу; онъ скрылся съ своимъ платьемъ.

Мнѣ удалось видѣть Фатиму, дочь Цаматъ-Садія въ то время, когда она шла въ мечеть: стройность ея стана меня поразила. Я не осмѣливался однако требовать ея руки у Садія, которой вдесятеро былъ меня богатѣе. Но услуга, оказанная ему мною, разположила его въ мою пользу. Онъ праздновалъ день рожденія своей дочери. «Саладинъ — сказалъ онъ мнѣ — праздникъ данъ будетъ у меня въ саду; хочешь ли смотрѣть на него съ балкона? ты можешь увидѣть и дочь мою безъ покрывала.» — Избави меня отъ этаго Богъ! я видѣлъ твою дочь издали — она оставила глубокое впечатлѣніе въ моемъ сердцѣ. Я не хочу усиливать, этого чувства, ибо знаю, что дочь твоя несотворена быть женою Саладина. — «Кто тебѣ это сказалъ! воскликнулъ Цаматъ-Сади. Дочь моя тебѣ нравится? въ добрый часъ! будь ея мужемъ!» — Не стану вамъ открывать своей радости. — Черезъ нѣсколько времени я сдѣлался счастливымъ супругомъ. Фатима, прекрасная лицомъ, прекрасна и душою — мы живемъ согласно. Цаматъ-Сади отдалъ мнѣ свой огромный домъ; и теперь, имѣя большое богатство съ милою женою, почитаю себя совершенно счастливымъ — мнѣ ничего не останется желать на свѣтѣ, когда увижу счастливымъ и добраго моего Мурада. Чтоже касается до разбитаго зеркала и вазы, то мы постараемся помочь этому горю. Султанша…»

— Не бойтесь гнѣва ея, сказалъ Султанъ, сбросивъ съ себя верхнее платье, подъ которымъ сокрыта была Императорская одежда…. Саладинъ! я доволенъ твоею повѣстію, и признаюсь охотно, что называемое счастіемъ въ поступкахъ людей, приличнѣе называть осторожностію и благоразуміемъ. Саладинъ долженъ быть прозванъ счастливымъ и разсудительнымъ, а Мурадъ заслуживаетъ болѣе наименованіе неосторожнаго, нежели

несчастнаго. Такъ говорилъ Селимъ. Онъ предложилъ Саладину достоинство Паши и важную должность Губернатора одной провинціи; но осторожный Саладинъ, довольствуясь скромнымъ и безопаснымъ счастіемъ, съ почтительностію отклонилъ отъ себя это предложеніе. Я счастливъ, говорилъ онъ, и желаніе быть счастливѣе было бы для меня весьма безразсудно.

А Мурадъ? — Мурадъ продолжалъ вѣрить предопредѣленію, жаловаться на свой неудачи, пить опіумъ и дурачиться, приписывая всѣ дурачества свои неизбѣжному жребію.